

- ⁶ См.: Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997.
⁷ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

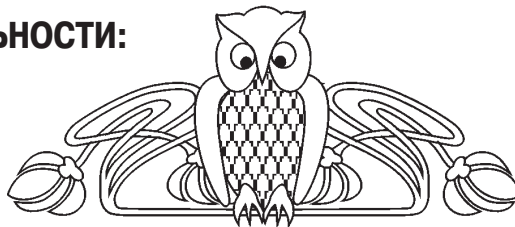
- ⁹ См.: Парсонс Т. Функциональная теория изменения. Американская социологическая мысль. М., 1994.
¹⁰ См.: Меддоуз Д., Рэндерс И., Беренс В. Пределы роста. М., 1994.
¹¹ См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

УДК 316.347

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: naiperlit347@gmail.com

В статье представлены проблемы роли языка в процессе социализации с точки зрения радикального и социального аспектов конструирования социальной реальности. Показано, что символическая природа языковых знаков обуславливает создание смыслов для осуществления взаимопонимания в процессе социализации. Особое внимание уделено социальной обусловленности языковых функций в когнитивном аспекте конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: социальный и радикальный конструктивизм, социализация, символы и смыслы, языковой знак.

The Construction of Social Reality: Socio-linguistic Aspect

A. A. Kalinkin

This article presents the problems of language role in the process of socialization, from the points of radical and social aspects of social reality construction. It is shown that the symbolic nature of language signs governs the creation of meanings to implement mutual understanding in the process of socialization. Special attention is paid to social conditionality of language functions in cognitive aspect of construction of social reality.

Key words: social and radical constructionism, socialization, symbols and meanings, language signs.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-183-185

Социальное конструирование реальности означает, что действительность представляет собой человеческий конструкт, а реальность подразумевает только ту действительность, которая воспринимается людьми. В то же время слово «социальное» указывает на то, что для конструирования реальности необходимым условием является факт человеческого взаимодействия. В пределах социума конструирование представлено следующим образом: социальное конструирование реальности, в котором действительностью является природа и подразумевается навык интеракции с внешним миром (состоящим из физических предметов), и конструирование социальной реальности, где речь идет о создании

особого типа реальности – интерсубъективной коммуникации.

С точки зрения социального конструктивизма люди могут совместно конструировать реальность, а проблема соответствия конструктов реальному миру не является существенной – имеет значение лишь то, как она принимается социумом. Тот факт, что эти конструкты эффективно решают практические задачи, позволяет им успешно воспроизводиться и использоваться социумом¹.

В отличие от социального конструктивизма, сконцентрированного на механизмах создания реальности, радикальный конструктивизм сосредоточен на решении эпистемологических проблем. Радикальный конструктивизм постулирует то, что социум накладывает на мир «матрицу», создавая конструкты в соответствии со своей организацией². При этом конструкт представляет собой активность субъекта и/или ее следствие; то, что побуждает возникновение чего-то нового, в отличие от того, что создает окружающая действительность.

Конструирование социальной реальности происходит в основном посредством символов и знаков. Следовательно, социум является абстракцией, созданной людьми для личного комфорта, теоретической структурой; в то же время не стоит отрицать возможность данного конструкта иметь воздействие на сотворивших его субъектов. Это означает, что индивиды, лишённые возможности познать настоящую действительность, не могут находиться в бессмысленном мире и, как следствие, вынуждены конструировать действительность в своем сознании. Радикальный конструктивизм предполагает, что индивиды «воображают» закономерности мира, игнорируя тот факт, что сами ответственны за их формулировку. Более того, Вселенная, в которой мы находимся, которую изучаем и конструируем, характеризуется сравнительной стабильностью³.

Следует отметить, что стабильность восприятия мира каждым отдельным человеком обусловлена индивидуальным опытом и обстоятельствами. При нормальном существовании человек не может избежать взаимодействия с другими людьми, поэтому для достижения стабильной интеракции ключевой задачей является установление взаимопонимания.

А. Шюц утверждает невозможность полноценного понимания чужого подразумеваемого смысла, но в то же время подчеркивает значимость умения человека поставить себя на место другого. Особо следует отметить, что действительность может быть символической. Отличительными чертами символической действительности являются: «примирение» с различными опытами трансцендентальности, адаптация к ним, онтологическая безопасность, контроль над существованием, защита от беспорядка и страха перед смертью. Действительность знаков и символов доступна нашему пониманию, и мы неустанно практикуем интерпретации, придавая им свои смыслы⁴. Интерес представляет высказывание Э. Фёгелина о том, что социум – это «маленькая Вселенная, микрокосм, светом в котором является смысл людей, они неустанно создают его в себе как метод и обстоятельство самореализации»⁵.

При создании социальной реальности смысл побуждает людей создавать типизации, ритуалы и традиции, что, в свою очередь, детерминирует роль языка как основного механизма, содержащего все накопленные научные и культурные данные, передающиеся из поколения в поколение. Таким образом, язык представляет собой как возникший конструкт, так и средство управления и передачи смыслов. Конструктивная функция языка, дающая возможность осуществлять когнитивные действия как источники абстракций и типизаций, составляющих повседневный опыт, обеспечивает межличностную интеракцию, в результате которой образуются социальные конструкты, значимые для существования социума. Язык выступает универсальным виртуальным пространством конструирования социальной реальности и бытия человека – выучив его, индивид уже не способен не использовать язык и становится зависимым от него. Это подтверждает тот факт, что язык является механизмом функционирования каждодневной действительности, которая возникает в процессе коммуникации и пронизана разнообразными языковыми структурами. Несомненно, язык – это самый универсальный инструмент конструирования социальной реальности, как в когнитивном, так и в коммуникативном аспектах⁶.

Неразрывная связь языка и мышления непосредственно обуславливает его особую роль в осмыслении окружающей действительности. Гипотеза лингвистической относительности, разработанная в первой половине XX в. Э. Се-

пиром и Б. Уорфом, также известная как лингвистический детерминизм, утверждает, что наше мышление напрямую зависит от языка, которым мы овладеваем в процессе социализации. Следует отметить, что до сих пор не существует единой точки зрения по поводу того, как особенности различных языков могут детерминировать мышление говорящих на них людей⁷.

Безусловно, язык – нечто более важное, чем просто механизм познания и коммуникации, он присутствует во всех областях жизни индивида и представляет собой «дом бытия»⁸. Установление социальных связей и овладение социальными ролями, осуществляемые языком как основным механизмом социализации, определяет диалектику интеракции эволюционного развития индивида и языка. Это означает симметричность развития социальных и языковых структур – например, постиндустриальные социумы обладают развитыми языковыми системами, и, напротив, ограниченный спектр языковых структур характеризует недостаточно индустриально развитые сообщества⁹. Парадокс языка заключается в следующем: будучи только системой знаков, семантической оболочкой самосознания, язык имеет тесную связь с социальной интеракцией, знанием и практикой, являясь базой для социального конструирования реальности. Вместе с тем, если рассматривать язык как систему символов и знаков, нужно помнить об их значимости и влиянии на индивида. Следовательно, можно заявлять, что любая знаковая система, независимо от того, откуда она появилась, наделена причиняющей силой по отношению к индивиду. Но язык представляет собой не только систему знаков, но и систему символов: слова как знаки соединяют звуковую форму с экстралингвистическим содержанием, нуждаясь в конвенционализации и устанавливая взаимопонимание; слова как символы согласуют содержание текста с содержанием контекста и нуждаются в интерпретации¹⁰.

Знаково-символическая действительность доступна интерпретации, и человек постоянно заполняет символы и знаки своими смыслами, конструируя свою социальную реальность. Э. Халас указывает на социальное происхождение символизма, вопреки представлению о нем как о некоей обособленной семио-лингвистической системе¹¹.

На социальный фундамент символов указывает П. Бурдьё, утверждая, что потенциал символов не заключается в них самих, но происходит из социальных обстоятельств – например, влияние, которое имеют слова чиновников, политиков, предпринимателей, клерков, преподавателей или священников, исходит в первую очередь из их социальных статусов¹².

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что человек конструирует мир значений, но потом пытается скрыть семиотическую сущность действительности¹³. На это также указывает

представитель радикального конструктивизма П. Ватцлавик, утверждающий, что рассмотрение вопроса о существовании какого-либо априорного смысла в мире нелепо: Вселенная не имеет смысл вообще¹⁴.

Язык также является конструкцией, существующей в виде системы и различных субсистем, относящихся к ней, и, вступая в мир, индивиды овладевают этой сложной системой с целью сосуществования в обществе. Эта система существенна не только из-за ее необходимости для общения, ее важность обуславливается тесной связью с высшими формами мыслительных процессов. По мнению А. А. Потевни, попав в «стройный мир» языка, люди не покидают его границы¹⁵.

Следует упомянуть еще один из аспектов конструирования социальной реальности – его неуправляемость. Вопреки тому факту, что в европейской философии давно превалирует мнение, по которому индивид может полностью понять только те действия, которые совершает сам и что для него по своему характеру очевидно, основная проблема заключается в том, что индивиды не понимают своих действий и зачастую не имеют понятия, каков будет результат¹⁶.

Феноменологическое объяснение данного феномена основано на понятии «горизонта» – надеясь и направляя свои действия, человек не должен полагать, что все случится в точности, как запланировано, так как планирование всегда подразумевает «открытый горизонт значений», расширяемый по мере осуществления плана, и эти ожидания неизбежно имеют типизированный характер. Наши планы и ожидания создают широкий горизонт будущего жизненного опыта, и он не статичен, а, наоборот, динамически изменяется¹⁷.

Таким образом, конструирование социальной реальности – это сложный процесс, в котором конструкты детерминируют, а язык, посредством которого мы стремимся конструировать мир, контролирует наше мышление и миропонимание. Однако можно предположить, что конструкты, несмотря на то что сделаны бессознательно, приносят пользу, так как они адекватны потребностям социума, а язык, вопреки его многогранности и мощи, – всего лишь механизм коммуникации и социализации в процессе конструирования социальной реальности.

Примечания

- ¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 2005.
- ² См.: Щюц А. Символ, реальность, общество // Щюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : РОССПЭН, 2004. С. 456.
- ³ См.: Паниткова Э. Ю. Язык и речь – два уровня конструирования социальной реальности языковой личностью // Язык. Культура. Коммуникация : материалы и тезисы Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой. Ижевск : УдГУ, 2009. С. 75–80.
- ⁴ См.: Щюц А. Указ. соч. С. 532.
- ⁵ Voegelin E. The New Science of Politics : An Introduction // The University of Chicago Press Books. URL: <http://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/N/bo3622811.html> (дата обращения: 15.05.2015).
- ⁶ См.: Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике. М. : КомКнига, 2007. С. 46.
- ⁷ См.: Whorf B. L. Language, Thought and Reality : Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll. N. Y. : Wiley, 1956.
- ⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 199. (Сер. Мыслители XX века.)
- ⁹ См.: Могилевич Б. П. Социальные проблемы языка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 23.
- ¹⁰ См.: Борботько В. Г. Указ. соч. С. 52.
- ¹¹ См.: Halas E. Symbolism and Social Phenomena : Toward the Integration of Past and Current Theoretical Approaches // European Journal of Social Theory. № 5 (3). P. 351–366. URL: <http://club.fom.ru/books/halas.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).
- ¹² См.: Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1991.
- ¹³ См.: Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Изд. группа «Прогресс»; Универс, 1994.
- ¹⁴ См.: Watzlavik P. Münchhausens Zopf. München : Piper Verlag GmbH, 1997.
- ¹⁵ См.: Потевня А. А. Язык и мысль. URL http://destruction.narod.ru/potebnja_mysl_i_jasyk.htm (дата обращения: 15.05.2015).
- ¹⁶ См.: Копылов А. В. Перевод как проблема философской герменевтики (Пролегомены к исследованию). Мурманск : МГПУ, 2008.
- ¹⁷ См.: Щюц А. Указ. соч. С. 530.